

— Вы пришли навестить Чэн Шуняня? — с удивлением поднял голову Чжао Му, внимательно осмотрев стоящего перед ним отца Чэн. Действительно, это был тот самый человек, который приходил каждый год, но обычно он появлялся один, а на этот раз с ним было двое молодых людей, выглядевших гораздо моложе, и он не сразу его узнал.

— А тот молодой человек, который был только что...

— Мой сын, родной племянник Шуняня, — поспешно ответил отец Чэн.

Чжао Му почувствовал сложную гамму эмоций. Так это племянник того самого человека? Тот, о ком он говорил так мало, но чаще всего упоминал именно этого племянника? А он чуть не схватил его и даже позволил ему упасть в обморок прямо на своих глазах.

Чэн Сяожань все еще размышлял, как избежать поездки в больницу, когда Чжао Му уже позвонил. Четыре служебные собаки проявляли необычайный интерес к вишне. Независимо от того, были ли это вишни, которые Сяожань принес с собой, или другие сорта, собаки, увидев их, бросались на них с безумным азартом, в то время как остальные собаки этого не делали.

Сяожань усмехнулся:

— Видите, дело всё-таки в собаках, так что теперь мне не нужно в больницу, верно?

Фу Чжичжо, никогда не видевший человека, который так не хотел бы идти в больницу, словно ребенок, капризничающий, мягко сказал:

— Съездить в больницу на обследование — для твоего же блага.

— Я знаю своё тело, с моей болячкой пару дней отдохнуть — и всё пройдет, правда.

Фу Чжичжо пристально посмотрел на него, затем вздохнул:

— Ладно, мы отвезём тебя домой.

Хотя Сяожань не был рад тому, что они поедут в деревню Инхуа, но, подумав о том, что сегодня они ему сильно помогли, а в его состоянии ехать на такси было бы небезопасно, он поблагодарил их и с благодарностью принял предложение.

По пути он позвонил отцу, сообщив, что с ним все в порядке, и, к своему удивлению, узнал, что отец уже возвращается домой.

Сяожань посмотрел на часы:

— Разве вы говорили побыть с дядей подольше?

Накануне Нового года время посещений продлевалось, тюрьма очень гуманна.

— Я за тебя переживаю, — отец Чэн ясно видел, что Сяожань ударился животом, как он мог не беспокоиться?

Сяожань почувствовал угрызения совести. Что, если дядя Чэн очень ждал этого дня? Неужели они его подвели?

— Тогда в следующий раз мы поедем к нему вместе.

Но в следующий раз это точно будет после рождения ребенка, ведь бегать с животом слишком опасно.

Чжан Хао оказался отличным водителем, и горная дорога не доставляла неудобств. Сяожань хотел пригласить их зайти, но Фу Чжичжо отказался, понимая, что их присутствие не даст Сяожаню отдохнуть. Осмотрев дом Чэнов, он кивнул:

— Здесь очень неплохая обстановка.

Очень дипломатично сказано. Двое мужчин, одетые в дорогую одежду, выглядели здесь совершенно неуместно, и Сяожань действительно не был в настроении их развлекать:

— Тогда до свидания, в следующий раз я угощу вас обедом.

Фу Чжичжо посмотрел на него с улыбкой, явно понимая, что его торопят уйти, но ничего не сказал, сел в машину и уехал. Как только машина исчезла из виду, Сяожань сел в свой грузовичок, стоявший во дворе, и отправился на гору Дачжоу, где матушка Чэн и другие занимались работой. Он коротко поздоровался и направился к теплице с вишневыми деревьями, присел под одно из них и почувствовал, как напряженный разум начал расслабляться.

Здесь атмосфера была просто чудесной по сравнению с внешним миром. Он выпустил ментальную силу, проникая в каждое вишневое дерево, его дыхание сливалось с ритмом этих высоких деревьев.

...

В машине Фу Чжичжо закатал рукав, обнажив мускулистое предплечье цвета пшеницы, на котором отчетливо виднелись следы от пальцев, почти распухшие. Чжан Хао ахнул:

— Это этот пацан царапал? Выглядит такой худущий, как тростинка, откуда у него такая сила?

Значит, он действительно страдал. Фу Чжичжо размышлял, какая болезнь могла вызвать такую боль. Спустившись с горы, они встретили А Хуна, который уже ждал их с ноутбуком.

— Здесь вся история болезней господина Чэна с детства, — с сочувствием произнес он. — Этот господин Чэн действительно прошел через многое.

Фу Чжичжо открыл файл и, пролистав несколько страниц, нахмурился. Чжан Хао свистнул:

— Удивительно, что этот парень вообще дожил до наших дней.

Сотни амбулаторных записей, десятки госпитализаций, семь операций, три предупреждения о критическом состоянии. Ему всего 21 год, но пятую часть своей жизни он провел в больницах. Хорошо, что в последние годы его здоровье, кажется, улучшилось, но теперь у него появилась загадочная головная боль. Чжан Хао покачал головой:

— Какой же это кошмар.

Фу Чжичжо смотрел на экран с таким выражением, будто хотел прожечь его взглядом. Он щелкал мышью, пока не прочитал всю историю болезней, и его брови плотно сомкнулись.

Строго говоря, у Чэн Сяожаня не было серьезных заболеваний, но все его функции были слабее, чем у обычного человека. Восемь из десяти болезней были вызваны различными

инфекциями: пневмония, респираторные инфекции, необъяснимая лихорадка, аллергии, язва желудка, анемия и даже несколько случаев сердечной недостаточности. Если бы не своевременная помощь, любая из этих болезней могла бы его убить.

В последние два года ситуация улучшилась, но проблемы с мозгом стали еще более серьезными. Врачи в Биньхае даже заявили, что эти странные разряды в коре головного мозга могут в любой момент убить его.

Вспомнив, как парень небрежно говорил, что с ним все в порядке, Фу Чжичжо почувствовал раздражение. Если это называется «все в порядке», то что тогда «проблемы»?

Он закрыл ноутбук, размышляя о дальнейших действиях, и спросил Чжан Хао:

— Я помню, что Дамао и те четыре служебные собаки были из одного помёта.

Чжан Хао задумался:

— Да, их мамы были из старой партии служебных собак, которые когда-то участвовали в разгроме международной наркокартели и получили награду. Почему?

— Какими бы методами ты ни пользовался, приучи Дамао так, чтобы он не жил без вишни.

— Зачем?

— Солгал — значит, нужно придумать оправдание, разве не понимаешь?

Чжан Хао уныло кивнул, затем вдруг осознал:

— Погоди, ведь солгал ты, а не я.

Фу Чжичжо проигнорировал его. Другие могли не заметить, но он догадывался, что те четыре собаки, скорее всего, были каким-то образом изменены. Кто это сделал, было ясно, хотя он не знал, как именно парень это устроил. Но он сомневался, и Чжао Му тоже не был глупым. Парень оставил следы, и он помог ему их скрыть.

Самое важное — это здоровье парня. Нужно найти возможность, чтобы он согласился на полное медицинское обследование.

...

У больших железных ворот тюрьмы Чжао Му наблюдал, как дядя и племянник Чэн поспешно уходили, прежде чем медленно направиться внутрь. Охранники, увидев его, сразу отдали честь.

Это было здание, выглядевшее довольно старым, где содержались преступники с тяжелыми приговорами, переведенные из разных мест. Вдалеке виднелась зеленая площадь, огороженная проволочной сеткой. На следующий день был канун Нового года, и у заключенных тоже были мероприятия. На площади они бегали, кричали или что-то украшали, атмосфера была довольно живой.

Однако, если присмотреться, можно было заметить, что все они постоянно поглядывали в одну сторону.

— Держу пари, что в следующем году этого старика точно опрокинут!

— Брось, вся тюрьма хочет его, ты это говоришь сколько лет, а всё только смотришь?

— Как этот белолицый парень не стареет? Говорят, ему уже за сорок, а выглядит так свежо. Его задница, должно быть... Черт! Какая же это трата! Почему офицер Чжао, если может его защищать, не вытащит его отсюда? Чтобы мы не глазели и не могли трогать.

— Смотрите, смотрите, этот иностранец снова идет. Как вы думаете, в какую ногу он попадет на этот раз?

— Держу пари, в среднюю, ха-ха...

Мужчина, выглядевший на чуть больше тридцати, сидел в углу. Перед ним стояла миска с вишнями, а он рисовал карандашом. Он был одет в обычную тюремную робу, но его внешность была настолько выдающейся, что даже эта роба выглядела как вечерний костюм. Его пальцы, в отличие от других заключенных, были гладкими и чистыми, ногти коротко подстрижены. Длинные, изящные пальцы слегка дрожали, но он продолжал рисовать с такой сосредоточенностью, будто это было самое важное дело в мире.

Золотоволосый подросток подошел к нему сзади, собираясь обнять:

— Дорогой, зачем рисовать? Если тебе одиноко, я составлю тебе компанию...

Но его рука даже не коснулась плеча мужчины, как он упал, схватившись за задницу с криком боли. Металлическая игла, смазанная веществом, вызывающим невероятную боль, вонзилась в его ягодицу. Вокруг раздались насмешливые возгласы. Как жаль, что промахнулись!

<http://bllate.org/book/16650/1525546>